

§ 1. Диалектика и мировоззрение

«Материалистическая диалектика как логика».
Алма-Ата, 1979, с. 103-113

В дискуссиях о том, как следует разрабатывать и излагать теорию диалектики, вопрос о соотношении диалектики и мировоззрения всплывает регулярно, хотя, казалось бы, в классической марксистско-ленинской литературе он решен давно, недвусмысленно и исчерпывающе.

Всмотримся внимательнее, в каком именно контексте возникает необходимость снова и снова возвращаться к его обсуждению, чтобы выявить, где же именно таятся те неясности, которые делают возможным возникновение разных точек зрения, сталкивающихся в разногласии и противоречии.

Прежде всего следует заметить, что вопрос этот нельзя ни решать, ни даже поставить в абстрактно-общей, внеисторической форме – как вопрос об отношении «мировоззрения вообще» к «диалектике вообще». Стало быть, самое тщательное уточнение соответствующих терминов не дает ничего для разумения существа тех споров, которые возникают ныне вокруг вопроса о том, какой вид должна иметь научно-материалистическая теория диалектики, поскольку она понимается и разрабатывается как неотъемлемая составная часть научно-материалистического мировоззрения.

Классики марксизма-ленинизма никогда и нигде не возлагали на философию обязанность строить из результатов «положительных наук» некую обобщенную картину-систему «мира в целом». Еще меньше оснований приписывать им взгляд, согласно которому такая [103] «философия» – и только она – должна вооружить людей «мировоззрением». Научное мировоззрение, согласно Ф. Энгельсу, заключается и воплощается не в системе отвлеченно философских положений, а в «самых реальных науках», в системе реальных научных знаний.

Любую попытку воздвигать над (или «рядом» с) положительными науками *еще и особую науку о «всеобщей» связи вещей* Ф. Энгельс безоговорочно расценивает как затею в лучшем случае излишнюю и бесполезную. В лучшем случае. А обычно, – как показал и продолжает показывать опыт, – *такая «философия» неизбежно превращается в тяжелый балласт*, так сказать, в «гири на ногах науки» и активно мешает реальным наукам двигаться вперед, поскольку, будучи обобщенным описанием *сегодняшних* результатов исследования, она всякий шаг науки за пределы этих результатов, естественно, рассматривает как покушение на свои собственные построения, как их расшатывание и «ревизию», в то время как никакого пересмотра действительных положений научной диалектико-материалистической философии тут нет и следа.

С другой же стороны, такая – *позитивистски* ориентированная – философия остается, как правило, вполне безучастной и снисходительной там, где происходит действительная ревизия устоев философского материализма и философской диалектики, и даже поощряет эту ревизию в тех случаях, когда она проводится под флагом выводов «из современного естествознания», там, где новейшее открытие в физике или в астрономии (а оно для позитивиста всегда имеет значение высшего критерия «философских» истин) непосредственно не согласуется с утверждениями действительно научной – диалектико-

материалистической – философии. И тут позитивист всегда спешит «исправить» *философские* понятия в угоду «новейшему открытию» и применительно к нему ¹. [104]

Имея в виду постоянную возможность появления подобных философов и подобных «философий», Ф. Энгельс и отметал с порога любые рассуждения о необходимости соорудить рядом с действительно научным мировоззрением, т.е. рядом со связной совокупностью реальных («положительных») научных знаний о мире, еще и особой *философской* картины мира. В этой затее он не видел никакого материализма, тем более диалектического: «Если схематику мира выводить не из головы, а только *при помощи* головы из действительного мира, если принципы бытия выводить из того, что есть, – то для этого нам нужна не философия, а положительные знания о мире и о том, что в нем происходит; то, что получается в результате такой работы, также не есть философия, а положительная наука» ².

Из этого видно, что Ф. Энгельс отвергает не самое по себе идею создания обобщенно-схематизированной картины мира. Наоборот, он исходит как раз из того обстоятельства, что всякое научное изображение (идет ли речь об отдельной науке или о всей совокупности наук, о Науке с большой буквы) представляет собой так или иначе схематизированное отображение окружающего мира. Именно поэтому он и настаивает на том, что создание обобщенной системы представлений о мире под силу лишь всей совокупности «реальных», положительных наук, выясняющих свои взаимные связи и переходы в составе единого, целостного миропонимания и тем самым вооружающих людей уразумением универсальной связи вещей и знаний об этих вещах, показывая и доказывая эту связь как в целом, так и в частностях.

Невозможно не заметить, что Ф. Энгельс нигде и никогда не называет положительные науки – физику, химию, биологию или политэкономия – уничижительным именем «частные», ибо уже само употребление такого предиката предполагает, что кроме «частных» наук [105] должна существовать некая «всеобщая наука», «наука о целом». Но если какая-то наука нацелена исключительно на познание «частностей», никак не связанных по существу ни между собою, ни с другой категорией таких «частностей», то это в лучшем случае характеризует ее историческую незрелость. Если же она в этих «частностях» выявляет некоторый закон, то это и означает, что она открывает в конечном виде бесконечное, в особенном – всеобщее, в преходящем – вечное: «Всякое истинное познание природы есть познание вечного, бесконечного, и поэтому оно по существу абсолютно» ³.

И тот, кто не понимает этого простого обстоятельства, обнаруживает свое полнейшее незнание с аксиомами диалектики и материализма. Хорошенькое «научное» мировоззрение мы бы имели, если бы оно состояло из «частных» наук, которые исследуют одни «частности» без связи, и «философии», которая, напротив, рисует нам связь без тех частностей, которые она связывает! Это нелепое разделение науки на две категории – на исследование вещей без их взаимных отношений и на исследование отношений без вещей – как раз и лежит в основе позитивистского представления о роли и функции философии в составе «научного мировоззрения». И та «поправка», которой некоторые авторы подчас пытаются смягчить нелепость такого представления, поправка, состоящая в том, что «частные и особенные» связи вещей не касаются «всеобщих», «универсальных» связей между ними (это-де прерогатива «философии») – дела несколько не меняет. Взгляд этот обрекает «частные» науки на ущербное существование, поскольку по существу (сознательно или несознательно, – здесь это уже не имеет значения) запрещает им доискиваться до

диалектики в составе своего предмета, запрещает им диалектически разворачивать понимание этого предмета, поскольку иначе для «философии» не останется работы.

В этом именно и заключается вред представления о философии как об особой науке о «мире в целом». Архаичное по содержанию, это представление всегда оказывается не только консервативным, но и прямо реакционным. Именно поэтому Ф. Энгельс и расценивает позитивистскую затею создания философской [106] картины-системы мира в целом не просто как бесперспективную, но и как антинаучную, как антидиалектическую затею, активно препятствующую проникновению диалектики в сознание и в теории самих «положительных» ученых, т.е. естествоиспытателей и историков. Диалектику в природе не только может, но и обязано вскрывать полностью и без остатка само естествознание, так же как диалектику общественно-исторического процесса выясняет и способна выяснить вся совокупность общественных наук – политэкономия, теория государства и права, психология и т.д.

Не менее категоричен в оценке позитивистского толкования места и роли философии в составе современного научного мировоззрения В.И. Ленин. На полях книги Абея Рея «Современная философия» по поводу рассуждения автора, повторяющего в этом пункте взгляд О. Конта и Е. Дюринга, В.И. Ленин делает краткие, но достаточно выразительные пометки⁴. А вот его оценка суворовской «всеобщей теории бытия»: «Так. Так. “Всеобщая теория бытия” вновь открыта С. Суворовым после того, как ее много раз открывали в самых различных формах многочисленные представители философской схоластики. Поздравляем русских махистов с новой “всеобщей теорией бытия”! Будем надеяться, что следующий свой коллективный труд они посвятят всецело обоснованию и развитию этого великого открытия!»⁵.

Острота и недвусмысленность реакции В.И. Ленина объясняется прежде всего тем, что все подобные затеи с созданием «всеобщих теорий бытия» возникали в это время не как пустопорожние забавы, а как прямые антитезы энгельсовскому пониманию диалектики как науки, – тому самому пониманию, которое В.И. Ленин последовательно отстаивал в полемике с ревизионистами. Не может быть никакого сомнения в том, что В.И. Ленин, настаивая на понимании диалектики как логики и теории познания «современного материализма» и отменяя с порога все разговоры о «всеобщих теориях бытия», отстаивал и подлинную суть позиции Энгельса, изложенной в «Анти-Дюринге», поскольку эту позицию позитивисты как раз и старались всячески фальсифицировать [107] именно в духе «всеобщей теории бытия», чтобы затем противопоставить ей свою – «новую» – всеобщую теорию бытия, «новую» мировую схематику, соответствующую-де новейшим достижениям науки.

Диалектический материализм есть мировоззрение, притом научное мировоззрение, т.е. совокупность научных представлений о природе, обществе и человеческом мышлении; как таковое оно ни в коем случае не может быть построено силами одной лишь «философии», а только дружными усилиями всех «реальных» наук, включая, разумеется, и научную философию. Мировоззрение, именуемое диалектическим материализмом, не есть философия в старом смысле этого слова, которая взвалила на свои плечи задачу, посильную только всему научному познанию, и то в перспективе. Если «прежняя философия» ставила перед собою эту утопическую задачу, то единственным оправданием ее претензии была историческая неразвитость других наук. Но «как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней»⁶, неустанно повторяет

Ф. Энгельс, прямо связывая это понимание с самой сутью материализма. Совершенно бесспорно, что ясная и недвусмысленная позиция Ф. Энгельса, изложенная выше его собственными словами, была аксиоматически исходной и для В.И. Ленина во всех его дискуссиях с людьми типа Я. Бермана и А. Богданова, П. Юшкевича и А. Луначарского, В. Базарова и С. Суворова, во что бы то ни стало старавшихся соорудить внутри марксистского научно-материалистического мировоззрения очередную «всеобщую теорию бытия», особое – «философское» – «мировоззрение», поскольку действительное мировоззрение К. Маркса и Ф. Энгельса, изложенное в «Капитале» и «Анти-Дюринге», в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» и «Критике Готской программы», их никак не удовлетворяло и никакого цельного мировоззрения они в этих трудах вычитать не могли. «Мировоззрение» им виделось исключительно в виде особой науки, стоящей над прочими – «частными» и посему «неполноценными» – науками. [108]

Отсюда и органическое непонимание этими людьми диалектики как логики и теории познания – как действительной логики развития научного мировоззрения, как теории познания мира человеком, познания, осуществляемого вовсе не «философией», а всеми реальными науками в содружестве с научно-материалистической философией, понимаемой по Ф. Энгельсу. Заранее отрицая за диалектикой значение *логики мышления, логики развития понятий в любой конкретной сфере научного познания и практики*, русские позитивисты от марксизма и толковали эту диалектику как пассивное и необязательное «дополнение» к научному анализу, лишь как «язык», на котором зачем-то (и неизвестно зачем) К. Маркс и Ф. Энгельс выражали некоторые «позитивные результаты» своего изучения политической экономии и истории.

В.И. Ленин же видит в диалектике прежде всего универсальный метод, *активную форму мышления К. Маркса и Ф. Энгельса*, действительную логику развития понятий в ходе конкретного исследования тех конкретных областей действительности, которыми непосредственно занимались основоположники коммунистического мировоззрения, а вовсе не совокупность «наиболее общих обобщений», делаемых задним числом, как то пытались изобразить ревизионисты, начиная с Э. Бернштейна и К. Шмидта и кончая Я. Берманом и С. Суворовым. Поэтому-то В.И. Ленин и подчеркивает, что суть *материалистической диалектики* заключается не в том, что она есть совокупность «наиболее общих утверждений» относительно «мира в целом», а в том, что она есть *логика развития научного мировоззрения*, реализованного К. Марксом и Ф. Энгельсом вовсе не в виде особой «всеобщей теории бытия», а именно в виде научно-материалистического понимания конкретных законов развития общества на определенной конкретно-исторической стадии его развития, – в виде научной политической экономии «Капитала», в виде конкретно сформулированных принципов стратегии и тактики борьбы пролетариата, в виде теоретического понимания закономерностей революционного процесса преобразования товарно-капиталистического общества в социалистическое (в виде того, что В.И. Ленин называет «научным социализмом»). В этих совершенно конкретных результатах теоретического исследования, осуществленного с помощью [109] диалектики как метода исследования, и заключается научно-материалистическое мировоззрение К. Маркса и Ф. Энгельса – мировоззрение, постоянно развивающееся и уточняемое с каждым новым шагом исследования конкретной исторической действительности, с каждым новым открытием в любой области природы и истории. В этом именно видел В.И. Ленин *суть материалистической диалектики*. И в этом – и ни в чем другом – и заключалась противоположность (а не просто «разница») между позициями В.И. Ленина и позициями позитивистов от марксизма.

Трудно переоценить всю глубину следующего высказывания, сделанного академиком Н.Н. Семеновым: «Некоторые философы выражают иногда опасение: как-де можно рассматривать марксистско-ленинскую философию как Логiku, как теорию познания? А не ведет ли это к утрате мировоззренческого значения марксистской философии, к умалению ее роли и даже к “отрыву философии от естествознания”?»

Если логику понимать действительно по-ленински, то этого не надо бояться. Совсем наоборот: ведь все наши науки, вся наша культура развивается с помощью мышления, основанного на человеческой практике, и потому наука о мышлении играет свою первостепенную роль в развитии научного миропонимания»⁷.

Несомненно одно: люди, упрекающие вышеизложенное понимание в «недооценке мировоззренческого значения философии», просто-напросто публично признаются в том, что они сами понимают «мышление» на какой-то странный, совсем не материалистический, манер: как некую чисто субъективную способность, не имеющую никакого отношения к реальному миру, к природе и обществу, к действительному познанию законов развития природы и общества.

Если же исходить из того понимания мышления, которое развернуто в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, то такой упрек попросту нелеп, ибо мышление в его реальности и есть не что иное, как *процесс отражения природы и общества, осуществляемый совокупными усилиями всех наук*, и именно поэтому законы Логик представляют собой не что иное, как отраженные [110] в человеческой голове (и проверенные тысячелетиями человеческой практики) всеобщие законы развития естественно-природного и общественно-исторического развития. Это обстоятельство и выражается формулой, согласно которой диалектика и есть учение о тех всеобщих законах, которым одинаково подчиняется как развитие мышления, так и развитие действительности (т.е. природы и общества), – «наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»⁸, а не только «мышления», понимаемого как субъективно-психический процесс, осуществляющийся в глубинах мозга и психики человеческого индивида, ибо «мышление» в таком понимании исследуется вовсе не в философии, не в «диалектике», а в психологии, в физиологии высшей нервной деятельности и т.д.

«Мышление» для философии (для диалектики как особой науки) – это прежде всего знание в полном объеме его развития, знание в его становлении, т.е. процесс исторического развития реального знания (естествознания и наук об истории). Всякая диалектика исследует всеобщие законы природы, общества и мышления. Специфика же марксистской диалектики заключается в том, что эта диалектика – материалистическая. А это значит, что всеобщие законы мышления понимаются ею как *отраженные научным познанием* (и проверенные тысячелетиями человеческой практики) *всеобщие законы природы и истории*. В том-то и все дело, в этом-то и специфическое отличие марксистской диалектики от гегелевской и всякой другой. Стало быть, если уж говорить о самой краткой дефиниции, выражающей «специфический предмет марксистской диалектики», то это никак и не просто «всеобщие законы бытия и мышления», а – в самом кратком выражении – *всеобщие законы отражения бытия в мышлении*. Здесь альтернатива гегелевской диалектике указана, ибо в гегелевском варианте дело обстоит как раз наоборот, и всеобщие законы движения и развития в природе и истории выглядят как «отчужденные», т.е. как спроецированные в природу и историю *законы мышления*, логические схемы «саморазвития мысли».

Итак, конкретизация определения диалектики вообще (всякой диалектики), превращающая это определение в [111] «специфическое» определение марксистской (и

только марксистской) диалектики, состоит как раз в четком указании на тот факт, что *законы мышления* (логические законы, законы развития познания мира человеком) суть *отраженные, т.е. познанные и практикой проверенные законы развития самой действительности*, законы развития природы и общественно-исторических событий. В этом же заключается, собственно, и специфическое определение предмета марксистской диалектики *как особой науки*, а не как метода, применяемого к любому предмету во вселенной (эти два смысла слова «диалектика» ни в коем случае путать нельзя!).

Как особая, отдельная наука, стоящая не «над» другими науками, а рядом с ними, как полноправная наука, имеющая свой строго отграниченный предмет, диалектика и есть *наука о процессе отражения внешнего мира (природы и истории) в человеческом мышлении*. Наука о законах превращения действительности в мысль (т.е. о законах познания, о законах высшей формы отражения), а мысли – в действительность (т.е. о законах практической реализации понятий, теоретических представлений – в естественно-природном материале и в истории). Теория и практика (т.е. отражение и действие на основе отражения) и связываются, таким образом, в *один процесс*, управляемый одними и теми же (и именно диалектическими) законами – законами Логики и теоретического познания, и практической деятельности.

Поэтому диалектика и выступает как Логика, как наука о теоретическом и практическом овладении, освоении мира общественным человеком. В этом и заключается ее первостепенное, огромное мировоззренческое значение, роль и функция, а не в сочинении «всеобщих теорий бытия», не в попытках решить задачу, которая посильна только всей совокупности «реальных наук», и то в их перспективе.

Поэтому справедливо будет сказать, что мировоззренческое значение философской диалектики «недооценивают» как раз те теоретики, которые принципиально не проводят энгельсовско-ленинское понимание диалектики как логики и теории познания мира человеком, как науки о законах развития всего научного мировоззрения, т.е. всего человеческого мышления, реализующего себя в науке и практических делах. И поэтому прямой интерес [112] утверждения марксизма-ленинизма в философии состоит в последовательной разработке диалектики как *логики и теории познания*, ибо в этом заключается ее мировоззренческое значение – ее роль *логики развития* современного научно-материалистического мировоззрения. [113]

¹ На этом пути и появляются храбрые «философские» выводы из успехов и достижений современной науки, на которые так горазд позитивизм. Открыли физики тот факт, что атом не является последней, неделимой далее частицей мировой материи, – и сразу же возникает умозаключение: «Материя исчезла», нет больше материи, а есть лишь исторически меняющиеся «комплексы ощущений», «сгустки энергии» и т.д. и т.п.

Построили машину, внутри которой происходит преобразование одних высказываний в другие высказывания, одних сочетаний знаков в другие сочетания знаков, – и сразу же появляется толпа «философов», которые видят в этом опровержение всего того, что философия диалектического материализма говорила ранее о «мышлении», об «интеллекте».

Сколько уж было таких печальных уроков, – так нет же, не идут они впрок. А в основе лежит все то же самое представление о философии как о совокупности «наиболее общих обобщений», как о «системе» таких наиболее общих выводов из развития естествознания (чаще всего) или из развития наук социально-экономического цикла (это уже пореже).

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 35.

³ Там же, т. 20, с. 549.

⁴ См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 29, с. 521.

⁵ Там же, т. 18, с. 355.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 25.

⁷ Семенов Н.Н. Наука и общество. Москва, 1973, с. 235.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 145.